

Богдан Залеский, больше всего интересовавшийся образом Бояна, посвятил ему специальное стихотворение «*Wojańicz*» («Боянич»), где уподобил себя, как и в поэме «Степной дух», правнуку Бояна и назвал себя после вешего Бояна — Бояничем. В этом же стихотворении он поставил в один ряд русского летописца монаха Нестора и славянского певца Бояна. В свою очередь Юлиуш Словацкий, критикуя католическое мировоззрение Богдана Залеского, внес совершенно новую сатирическую интонацию в понимание образа Бояна.

Więc dziękowałem Bogu, że z pod prasy
Nie wyszło jeszcze sześć psalmów Bojana,
Boby te wszystkie katolickie kwasy
Miał na łbie, wszystkie sześć...

(«*Bieniowski*», I, 641—644).

Итак я поблагодарил бога, что из-под типографского станка
Не вышло еще шесть псалмов Бояна,
Потому что я все эти католические гримасы
Чувствовал бы на своей голове, все шесть...

Образ Бояна перефразирован иронической интонацией. Под словом Боян следует понимать поэта Богдана Залеского.

И, наконец, мы имеем факты, когда образ Бояна выступает в качестве эпитета, в форме прилагательного, определения, что являлось своего рода лексическим новообразованием для той эпохи. У Богдана Залеского, например, мы встречаем «*duma Wojanowa*», т. е. «Боянова песнь» («*Step*», «*Sen-Drzewo-Wieszczze*» и др.); или «*geśl Wojanowa*», т. е. «Бояновы гусли» («*Latawie*»), и т. п. И даже такие образования, как «*robojańska geśl*», т. е. «послебояновские гусли» (В. Zaleski. «*Duma*»), или «*Geśl przedbojańska*», т. е. «добояновские гусли» («*L. Siemiński*», «*Epilog do naszych wierszów*»).

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, насколько глубоко проникала образная и стилистическая система «Слова о полку Игореве» в поэтическую ткань польских романтических писателей. Как мы видели, интерпретация образа разнообразна. Образ Бояна для польских поэтов был чрезвычайно близким, своим, родным. Он являлся по своему идейному замыслу как бы носителем идеи объединения всех славян в одну семью. Образ Бояна, несмотря на свою шестисотлетнюю давность, ощущался польскими поэтами как живой прообраз творческого начала в искусстве, как воплощение героической песни у славянских народов. А эта тесная связь «Слова о полку Игореве» с польской поэзией не только у романтиков, но и у более поздних и даже современных представителей польской литературы говорит о нерушимой, издавна скрепленной дружбе между русским и польским народами.